

ГАРРИ КАСПАРОВ

В СОТРУДНИЧЕСТВЕ
С ДМИТРИЕМ ПЛИСЕЦКИМ

МОЙ ШАХМАТНЫЙ ПУТЬ

Второе издание

1
1973-1985

МОСКВА
2018

УДК 794
ББК 75.581
К28

Фото из личного архива автора, а также из архивов Бориса Долматовского, Владимира Дворковича, Сергея Воронкова, журналов «Шахматы в СССР» и «64»

Каспаров Г. К.

К28 Мой шахматный путь. 1973–1985. Том 1 / Гарри Каспаров в сотрудничестве с Дмитрием Плисецким. — 2-е изд. — М.: ИП Аманназаров М. А., 2018. — 528 с., 32 илл. на мел. бумаге.

ISBN 978-5-94693-716-0

Долгожданный автобиографический трехтомник Гарри Каспарова «Мой шахматный путь» продолжает масштабные проекты «Мои великие предшественники» и «Современные шахматы». В него входит свыше 300 лучших и наиболее памятных партий и окончаний 13-го чемпиона мира с подробными комментариями. Первый том содержит 100 партий и охватывает дочемпионский период творчества Каспарова (1973–1985). Каждая глава этой увлекательной книги — целая веха в его спортивной карьере.

УДК 794
ББК 75.581

У ч е б н о е и з д а н и е

Гарри Кимович КАСПАРОВ
МОЙ ШАХМАТНЫЙ ПУТЬ
Том 1
2-е издание

Редактор серии *Сергей Воронков*
Художник *Н. Кустова*
Технический редактор *А. Мошкович*
Компьютерная верстка *Евгений Атаров*

Подписано в печать 26.04.2018. Формат 60 × 90/16.
Гарнитура «Newton». Усл. п. л. 33,0.

Издательство ИП Аманназаров М. А.
Тел.: +7 (495) 963-8017 (пн-пт с 11.00 до 18.00)
email: chessm.ru@ya.ru или andy-el@mail.ru
<http://www.chessm.ru> — Интернет-магазин

ISBN 978-5-94693-716-0

© Каспаров Г. К., 2018
© Издательство ИП Аманназаров М. А., 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автобиографический трехтомник «Мой шахматный путь» продолжает мою серию «Современные шахматы», открытую в 2007–2010 годах книгой «Дебютная революция 70-х» и трилогией «Великое противостояние. Мои поединки с Анатолием Карповым».

Вначале я собирался просто прокомментировать около трехсот своих лучших партий, разбив их на три тома в соответствии с этапами спортивной карьеры: дочемпионский период (1973–1985), время чемпионства в рамках ФИДЕ (1985–1993) и годы вне ФИДЕ (1993–2005). Однако затем понял, что для полноты картины в сборник необходимо включить не только лучшие, но и самые памятные партии и окончания, ставшие вехами на моем шахматном пути (хотя некоторые из них я уже комментировал в предыдущих книгах).

На протяжении всей жизни мне приходилось слышать, что я побеждаю главным образом за счет глубокой и разносторонней дебютной подготовки. Тем самым — вольно и невольно — принижалось мое умение творить непосредственно за доской. «Я не знаю другого шахматиста, который бы столь основательно готовился к матчу или турниру. В этом плане он превосходит даже легендарного Ботвинника», — говорил обо мне Карпов. На самом деле без умения творить за доской в шахматах ничего не добьешься, а искусство подготовки отличало многих чемпионов мира и всегда содействовало прогрессу шахматной мысли.

В 20-е годы прошлого века Алехин работал над шахматами упорнее, чем кто-либо до него в истории, и в итоге резко выросла вся культура «любительской игры». В 40-е методичный ум и научный подход Ботвинника способствовали превращению шахмат в настоящую профессию. В 70-е фанатичная увлеченность Фишера аналитической работой вынуждала любого шахматиста, не желавшего «отстать от поезда», уделять больше времени теоретической подготовке. В 80-е, когда мне довелось стать лидером новой дебютной революции, необходимость такой подготовки была уже непререкаемой аксиомой.

Я рос в обстановке строгой дисциплины, созданной мамой. Мое шахматное мировоззрение формировалось в школе Михаила Ботвинника, а дебютный репертуар складывался под влиянием тренеров — незаурядных аналитиков Александра Никитина и Александра Шакарова. Помимо природного комбинаторного дара у меня с детства был безграничный аппетит к исследовательской работе. Я изучал все

последние партии ведущих гроссмейстеров, отмечал новинки и анализировал критические позиции, стараясь найти усиления. Выбор той или иной дебютной системы всегда был плодом глубокой творческой переработки, а отнюдь не слепого подражания.

Позже, в период борьбы за мировую корону, круг помощников-аналитиков расширился, но я по-прежнему неустанно генерировал собственные идеи. А когда появились персональные компьютеры, первым из шахматистов включил в систему подготовки машинный анализ и систематизировал использование игровых программ и баз данных. Вскоре я обнаружил, насколько слабы некоторые из моих бывших домашних заготовок. Полезное, отрезвляющее открытие! Под микроскопом мощных компьютерных программ выяснилось, что иногда я выходил на поединок не с волшебным мечом-кладенцом, а с тупым перочинным ножиком.

Тем не менее интенсивная подготовка неизменно вознаграждалась хорошими результатами, даже когда использовались далеко не все наработки. Между вложенным трудом и успехом всегда существует если не прямая, то некая почти мистическая связь. Наверняка и психологическая: ведь всякий раз, начиная битву, я думал, что располагаю «смертоносным оружием», и это придавало мне уверенности, даже если оружие оказывалось невостребованным или вообще неэффективным.

Этот том содержит сотню заново прокомментированных партий и окончаний. Частично в его основу легла моя первая книга «Испытание временем» (1985). В предисловии к ней Ботвинник писал: «Каспаров на правильном пути. Публиковать анализы партий нужно не только для того, чтобы доставлять удовольствие читателям, но и, вынося результаты работы на их строгий суд, иметь возможность с помощью читательской критики проверять объективность своих изысканий. Это обязательный этап для тех, кто хочет стать исследователем шахмат. Именно так можно добиваться повышения творческих и спортивных успехов, “выжимать” максимум возможного из таланта...»

Проделанная тогда большая комментаторская работа, конечно, не была лишена аналитических ошибок, к тому же стремительный прогресс дебютной теории изменил оценки множества вариантов. Поэтому ряд комментариев пришлось существенно уточнить и дополнить, а кое-что — сократить. Как и предвидел Ботвинник, «уцелели не все партии». Но в основном мои давние выводы — и тем более недавние — выдержали испытание временем.

Выражаю благодарность моим бывшим тренерам Александру Никитину и Александру Шакарову за помощь в подготовке первого издания книги.

БАКИНСКИЕ
УНИВЕРСИТЕТЫ

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Весна 1963 года. В Москве, в Театре эстрады, проходит матч на первенство мира Ботвинник — Петросян, а в Баку тренер шахматной секции окружного Дома офицеров Владимир Макогонов тщательно разбирает с учениками каждую партию.

Валерий Асриян: *«В начале апреля, когда счет был равным, я спросил у Макогонова, кто, по его мнению, победит в матче. “Петросян”, — ответил он без раздумья. “А кто будет чемпионом мира через 10 лет?” — отважился спросить я. “Наверное, Фишер”, — сказал Макогонов после некоторой паузы. “А через 20?” — уже в шутку поинтересовался я. Владимир Андреевич улыбнулся: “Вы хотите заглянуть слишком далеко. Возможно, тот, кто будет чемпионом мира через 20 лет, еще не появился на свет”. Конечно, трудно было предположить, что всего через несколько дней, 13 апреля в Баку родится мальчик, которого родители назовут Гарри и который спустя 22 года станет чемпионом мира!»*

Собственно, я мог родиться и днем позже, так как появился на свет в 23.45. В известном смысле мама предпочла бы, чтобы так и произошло. Но родился я все-таки 13-го числа 4-го месяца 63-го года (опять же $4+6+3=13$), и, вопреки всем суевериям, это число оказалось для меня счастливым. Настолько, что я даже стал 13-м чемпионом мира, причем после внеочередного матча за корону, проведенного именно в 85-м ($8+5=13$) году.

Любопытно происхождение моего имени. Это было одно из волевых решений отца, оказавших влияние на мою судьбу и характер. *«Мое имя Ким — короткое, в общем-то глухое, — сказал отец, — а у мальчика имя должно быть звонкое. Пусть он произносит его твердо, пусть звучит буква “р”. Назовем сына Гарри!»*

Баку был столицей советского Азербайджана, типичным аванпостом имперского государства. Своего рода большая «Одесса на Каспии» — плавильный котел разных национальностей, объединенных общим, русским языком и доминирующей русско-советской культурой. Мои собственные корни не исключение: мать — армянка, отец — еврей. Иногда это называют гремучей смесью. Так или иначе, думаю, мне передались по наследству и разумный прагматизм матери, и своенравная творческая натура отца — качества, сочетание которых определяло атмосферу в нашем доме.

Мой отец, Ким Моисеевич Вайнштейн, вырос в семье музыкантов, имел прекрасный слух и окончил музыкальную школу по классу